

В. В. Акимов

Аккадский «Эпос о Гильгамеше» и библейская Книга Екклезиаста

«Эпос о Гильгамеше» («О все видавшем», «О видевшем истоки») является самым известным памятником аккадской литературы. Как отмечал С. Н. Крамер, «с точки зрения раскрытия человеческой психологии и по своей драматичности «Эпос о Гильгамеше» не имеет себе равных в вавилонской литературе»¹. «Эпос» был популярен не только в Месопотамии, но и в окружающих регионах, включая Сиро-Палестину, где были найдены его фрагменты. Поэтому неудивительно, что мы встречаем цитату из «Эпоса» в Книге Екклесиаста. И хотя в этой цитате содержится призыв жить и радоваться жизни, общая тема, объединяющая «Эпос» и библейскую книгу, не дававшая покоя ни вавилонскому, ни еврейскому авторам – это тема смерти. Для автора «Эпоса о Гильгамеше» проблема смерти является и вовсе центральной темой, вокруг которой он скрепил воедино различные сказания.

«Эпос о Гильгамеше»: история формирования, источники, переводы

«Эпос о Гильгамеше» составлен на основе ряда древних сказаний, поэтому история его формирования имеет более чем тысячелетнюю историю. Сказания о Гильгамеше

¹ Крамер, С. Н. *История начинается в Шумере* / С. Н. Крамер. М.: Наука, 1965. С. 216.

сохранились на нескольких древних языках – шумерском, аккадском, хеттском и хурритском.

Самое раннее упоминание о Гильгамеше относится к III тысячелетию. Его имя встречается шумерском «Царском списке», где он, правитель города Урука, обозначен как пятый царь первой послепотопной династии¹. Время его правления можно отнести к XXVII-XXVI столетиям².

До нас дошел ряд шумерских сказаний о Гильгамеше. Эти сказания могли складываться уже в середине III тысячелетия. Но самые ранние дошедшие записи шумерских сказаний относятся к XIX-XVIII векам до Р. Х.³.

Древнейшие записи аккадского «Эпоса» датируются также XIX-XVIII веками до Р. Х. И. М. Дьяконов считал, что в устной форме аккадский «Эпос о Гильгамеше» создавался еще в конце III тысячелетия, в XXIII-XII веках. Об этом свидетельствует и архаичный язык, и печати XXIII-XXII веков, которые иллюстрируют не шумерский, а именно аккадский вариант сказаний о Гильгамеше⁴. По мнению Т. Якобсена, «Эпос» создавался в начале II тысячелетия⁵.

¹ Lenzi, Alan. *The Uruk List of Kings and Sages and Late Mesopotamian Scholarship* / Alan Lenzi // *Journal of Ancient Near Eastern Religions*. Koninklijke Brill NV, Leiden, 2008. № 8.2. (P. 137-169). P. 141-142.

² См.: Бикерман, Э. *Хронология древнего мира* / Э. Бикерман. М.: Наука, 1975. С. 179.

³ Существует несколько шумерских сказаний о Гильгамеше, большинство из которых отразились в вавилонском Эпосе: «Гильгамеш и Страна живых», «Гильгамеш и небесный бык», «Смерть Гильгамеша», «Гильгамеш и Агга из Киша», «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство». Также можно говорить о влиянии на вавилонский Эпос шумерского сказания о потопе. Три шумерских сказания о Гильгамеше на русский язык перевела В. К. Афанасьева. Переводы С. Н. Крамера см.: *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Edited by James B. Pritchard. Princeton University Press, 1969. P. 44-51.

⁴ *Комментарии. Эпос о Гильгамеше* / И. Дьяконов // *Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии*. М.: Алетей, 2000. С. 368.

⁵ Франкфорт, Г.; Франкфорт, Г. А.; Уилсон, Дж.; Якобсен, Т. *В преддверии философии. Духовные искания древнего человека* / Г.

Аккадская поэма формировалась, вероятно, вокруг поэмы о сражении Гильгамеша с Хумбабой. В своем полном виде «Эпос» включал 11 таблиц. В VIII веке к «Эпосу» присоединили 12 таблицу с переводом шумерского сказания «Гильгамеш и дерево хулуппу». Эта таблица связана с предшествующими ей таблицами темой смерти, хотя и нарушает цельность «Эпоса». Приписывается переписчику Набузуккену.

«Эпос о Гильгамеше» связан с рядом литературных произведений Древней Месопотамии (шумерскими текстами, вавилонским «Сказанием об Атрахасисе»), испытывая на себе их влияние¹. В свою очередь, он оказал влияние и на последующее развитие литературы ряда древних народов². Арамейские имена Гильгамеша и Хумбабы обнаружены в «Книге Гигантов» из 4-й кумранской пещеры³. Следы «Эпоса» усматривают в памятниках сирийской, древнегреческой и римской литературы.

«Эпос» написан на вавилонском литературном диалекте аккадского языка. Выделяют три версии «Эпоса»: Ассирийскую (которую также называют Ниневийской или Стандартной), Старовавилонскую и Средневавилонскую (или периферийную)⁴.

Франкфорт, Г. А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. СПб.: Амфора, 2001. С. 266.

¹ *The Epic of Gilgamesh. The Babylonian Epic Poem and Other Texts in Akkadian and Sumerian*. Translated and with an introduction by Andrew George. London: Penguin Books, 2000. P. XVI-XXX.

² См.: Katherine Callen King. *Ancient Epic* / Katherine Callen King. Wiley-Blackwell, 2009.

³ Golf, Matthew. *Gilgamesh the Giant: The Qumran Book of Giants' Appropriation of Gilgamesh Motifs* / Matthew Golf // *Dead Sea Discoveries*. 16. 2009. P. 221-253.

⁴ Подробно о различных версиях и сохранившихся фрагментах текста см.: *The Epic of Gilgamesh. The Babylonian Epic Poem and Other Texts in Akkadian and Sumerian*. Translated and with an introduction by Andrew George. London: Penguin Books, 2000. George, A. R. *The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, critical edition and cuneiform texts* / A. R. George. Vol. 1-2. Oxford, 2003.

Ниневийская версия получила наибольшее распространение, поэтому ее называют также стандартной версией. Ее фрагменты были обнаружены не только в ниневийской библиотеке Ашшурабанпала (VII в.), но и в ассирийских (Ашшуре, Калахе, Хузирина (Султан-тепе) и вавилонских городах. Эта версия относится к концу II – I тысячелетия. Она записана «из уст» Син-лике-ун-линнини, урукского заклинателя, который мог быть ее редактором. Ниневийская версия – самая пространная. Композиционно отличается от Старовавилонской. Между Ниневийской и Периферийной версией отличий меньше.

Старовавилонская версия, относящаяся к первой половине II тысячелетия, была короче Ниневийской версии. В ней не было введения, заключения и сказания о потопе.

Средневавилонская (периферийная) версия датируется второй половиной II тысячелетия. Она отражена во фрагментах, найденных в Сиро-Палестине и Малой Азии – в Мегиддо (аккадский текст XIV века до Р. Х.; отрывок описывает сон смертельно больного Энкиду и его разговор с Гильгамешем), в Хаттусе (Богазкей) (там были обнаружены аккадские, хеттские и хурритские фрагменты), в Эмаре (Северная Сирия). Эта же версия отражена в таблице из Ура.

Особое внимание «Эпос о Гильгамеше» привлек благодаря Джорджу Смит¹, который нашел среди ниневийских таблиц Британского музея 11 таблицу, описывающую потоп. 3 декабря 1862 года он доложил о своей находке в Обществе библейской археологии. В дальнейшем, когда обнаружили другие таблички, выяснилось, что фрагмент является частью большого сказания, состоящего из 12 частей по 300 строк каждая.

См. также: *Комментарии. Эпос о Гильгамеше* / И. Дьяконов // *Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии*. С. 368-369.

¹ Перевод Дж. Смита см.: Smith, George. *The Chaldean Account of Genesis* / George Smith. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1876. P. 167-295.

Издание и перевод текста в 1900 году осуществил П. Янсен (Peter Jensen)¹. В 1884 и 1891 годах П. Хаупт издал известные на тот момент фрагменты ниневийской версии «Эпоса» (клинописный текст)². Клинописные фрагменты «Эпоса» с их переводом были изданы английским археологом Р. Кэмбеллом Томпсоном в 1930 году³. На английский язык «Эпос» переводили Александр Хейдел⁴, Эфраим Шпейзер⁵, Kovacs M. G.⁶, Бенджамин Фостер⁷. Пользуется известностью несколько французских переводов: комментированный перевод историка культуры Древней Месопотамии Жана Боттеро⁸ и перевод профессоров Р. Ж. Турне и А. Шаффера⁹.

В настоящее время особое значение имеет издание, осуществленное А. Джорджем¹⁰, которое включает клино-

¹ Jensen, P. *Assyrisch-babylonische Mythen und Epen* / P. Jensen. Keilinschriftliche Bibliothek 6/I. Berlin: Reuther and Reichard, 1900 (reprinted Amsterdam: Celibus, 1970). P. 116-265.

² Haupt, P. *Das babylonische Nimrodepos* / P. Haupt. Assiologische Bibliothek. Leipzig: J. C. Hinrichs; I, 1884, II, 1891.

³ Thompson, R. Campbell. *The Epic of Gilgamesh Text, Translation, and Notes* / R. Campbell Thompson. Oxford, 1930.

⁴ Heidel, A. *The Gilgamesh Epic and Old Testament Parallels* / A. Heidel. Chicago, 1949.

⁵ *The Epic of Gilgamesh* / E. A. Speiser // *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Edited by James B. Pritchard. Princeton University Press, 1969. P. 72-99.

⁶ Kovacs, M. G. *The Epic of Gilgamesh* / M. G. Kovacs. Stanford, Calif., 1989.

⁷ Foster, Benjamin R. *Before the Muses: An Anthology of Akkadian Literature* / Benjamin R. Foster. 2 vols.; 2nd ed. Bethesda, Md.: CDL Press, 1996.

Фрагмент 11 таблицы см.: *Gilgamesh* / Benjamin R. Foster // *The Context of Scripture*. Vol. I. *Canonical Compositions from the Biblical World*. Editor William W. Hallo. Leiden-Boston: Brill, 2003. P. 458-460.

⁸ Bottero, J. *L'épopée de Gilgames* / J. Bottero. Paris, 1994.

⁹ Tournay, R. J.; Shaffer, A. *L'épopée de Gilgames* / R. J. Tournay; A. Shaffer. Paris, 1994.

¹⁰ *The Epic of Gilgamesh. The Babylonian Epic Poem and Other Texts in Akkadian and Sumerian*. Translated and with an Introduction by Andrew George. London: Penguin Books, 2000.

пись, транслитерацию, перевод различных фрагментов «Эпоса», а также комментарии.

Имеется несколько переводов аккадского «Эпоса» на русский язык. В 1918 году «Эпос» перевел Н. Гумилев. Этот перевод, опубликованный в 1919 году¹, был основан на не очень точном переводе Дорма (парижское издание), и является зачастую вольным литературным пересказом. Однако Н. Гумилев использовал указания ассиролога В. К. Шилейко. Сам В. К. Шилейко перевел весь «Эпос» в 1920 году, но от этой его работы сохранился только перевод 6 таблицы².

В 1961 году появился перевод И. М. Дьяконова³, испытавший определенное влияние перевода В. К. Шилейко.

George, A. R. *The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts* / A. R. George. Vol. 1-2. Oxford, 2003.

¹ «Гильгамеш». *Вавилонский эпос*. Перевод Н. С. Гумилева. Введение В. К. Шилейко. Пг., 1919.

² Перевод В. К. Шилейко готовился к публикации в издательстве «Всемирная литература». Но том «Ассирио-вавилонский эпос» так и не издался, а в 1925 году издательство закрыли. В начале 1930-х годов планировалось опубликовать этот перевод в издательстве «Academia», но оно также было закрыто. См.: Шилейко, Т. *Легенды, мифы и стихи...* / Т. Шилейко // *Новый Мир*. 1986. № 4. Также см.: Иванов, В. В. *Еще одно рождение Гильгамеша* / В. В. Иванов // *Иностранная литература*. М., 2000. № 10.

Сохранившиеся фрагменты перевода В. К. Шилейко см. в изданиях: *Всходы вечности: Ассирио-вавилонская поэзия в переводах В. К. Шилейко*. М.: Книга, 1997.

Ассирио-вавилонский эпос. Переводы с шумерского и аккадского языков В. К. Шилейко. СПб.: Наука, 2007.

Также представляет интерес статья В. К. Шилейко о Гильгамеше, опубликованная в 1919 году в качестве введения к переводу Н. Гумилева. В статье высказывается предположение о существовании шумерских сказаний о Гильгамеше (кроме ниневийского и старовавилонского текста). В. К. Шилейко считал, что «Эпос» был предназначен для исполнения, также обращал внимание на сходство «Эпоса» с другими произведениями аккадской литературы.

³ *Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»)*. М.-Л., 1961 (Серия «Литературные памятники»).

Перевод, основывавшийся на Ниневийской версии и учитывавший другие версии текста, был снабжен комментариями. При переводе использовался размер дольник.

Последний перевод принадлежит поэту и переводчику С. И. Липкину¹. Это литературный перевод, в котором используется рифма, с помощью которой переводчик стремился передать звуковые особенности аккадского текста.

Содержание и интерпретация «Эпоса о Гильгамеше»

Текст «Эпоса» включает сказания, объединенные темой смерти и поиска бессмертия. В «Эпосе» можно выделить несколько основных частей. В первой части представляется правитель Урука Гильгамеш, а также рассказывает о создании богами дикаря Энкиду, его диком образе жизни в пустыне, превращении его в человека и заключении дружеского союза между Гильгамешем и Энкиду (1 и часть 2 таблицы). Эта часть фактически является прологом «Эпоса».

Вторая часть посвящена повествованию о походе Гильгамеша против свирепого Хумбабы, цель которого – уничтожить зло на земле и создать себе вечное имя (часть 2 – 5 таблицы). Проблема смерти, которая еще не встала перед Гильгамешем во всей актуальности, разрешается в данном случае через совершение героического поступка, который прославляет, делает бессмертным имя человека.

Третья часть включает описание событий после убийства Хумбабы (6-7 таблицы). Гильгамеш отвергает любовь богини Иштар. Оскорбленная богиня просит Ану сотво-

Эпос о Гильгамеше («О все видавшем») // Библиотека Всемирной Литературы. Т. 1. Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Художественная Литература, 1973.

«О все видавшем». Со слов Син-лике-Уннинни, заклинателя. Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии. М.: Алетейя, 2000.

¹ *Гильгамеш. В стихотворном переложении Семена Липкина. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Об этом переводе см. также: Иванов, В. В. Еще одно рождение Гильгамеша / В. В. Иванов // Иностранная литература. М., 2000. № 10.*

рить Быка для убийства Гильгамеша. Но герои побеждают Быка. Совет богов решает наказать за убийство Хумбабы и Быка Энкиду, но сохранить жизнь Гильгамешу. Энкиду умирает.

Четвертая часть описывает скорбь Гильгамеша по Энкиду, его переживания за самого себя и попытки найти вечную жизнь (8 – часть 11 таблицы). Гильгамеш, реально столкнувшись со смертью, не может примириться с тем, что его жизнь неизбежно прервется. Шамаш отказывается ему помочь. В отчаянии, Гильгамеш бежит в пустыню, после чего проходит дорогой Солнца через горы Машу, охраняемые людьми-скорпионами, находит на обрыве у моря хозяйку богов Сидури, которая рекомендует ему наслаждаться жизнью, но указывает на Уршанаби, корабельщика Утнапишти. Сам Утнапишти – это живущий в отдаленном месте человек, обретший вечное дыхание. Через корабельщика Гильгамеш находит Утнапишти. Ко всем лицам, которых встречает Гильгамеш, он обращается с мучающим его вопросом о смерти.

Пятая часть, которую можно считать эпилогом, показывает крах надежды Гильгамеша найти вечную жизнь (часть 11 таблицы). Утнапишти отправляет Гильгамеша домой, но перед этим возвращая ему человеческий облик – омывает и одевает его в новые одежды. На прощанье Утнапишти рассказывает о цветке вечной жизни. Гильгамеш добывает этот цветок, но по неосторожности теряет его (цветок похищает змея)¹. Вечная жизнь остается недостижимой. Чувства, бушующие в Гильгамеше, остаются безутешными. «Это – насмешливая, несчастливая и неудовлетворительная концовка. Буря внутреннего смятения осталась бушевать, жизненно важный вопрос не нашел ответа», – говорит об окончании «Эпоса» Т. Якобсен².

¹ Образ змеи, похищающей вечную жизнь, может напомнить рассказ Книги Бытия об искушении Адама и Евы от змея.

² Франкфорт, Г.; Франкфорт, Г. А.; Уилсон, Дж.; Якобсен, Т. *В преддверии философии. Духовные искания древнего человека*. С. 271.

Как представляется из обзора содержания, «Эпос» учит человека смирению перед силами, которые выше его и которые определили человеку как жизнь, так и смерть. В нем нет прямой постановки острого вопроса о справедливости и несправедливости, о смысле деятельности человека. Дело человека – принимать то, что определено ему богами: наслаждаться жизнью и после – умирать.

Более пристальное изучение «Эпоса» позволяет исследователям выявить в нем и дополнительный смысловой уровень. Так, В. В. Емельянов полагает, что памятник содержит «перекодировку помесячных ритуалов ниппурского культового календаря на события из жизни популярного героя»¹. В своей монографии «Ниппурский календарь и ранняя история зодиака» он показал, что «Эпос» в своей структуре представляет непрерывный годовой ритуал². Но кроме изображения большого ритуала (макроритуала), в «Эпосе» содержатся и малые ритуалы (микроритуалы): вочеловечение Энкиду; поручение Гильгамеша от лица старейшин Энкиду с обязательством, что после похода на Хумваву Энкиду поручит Гильгамеша старейшинам; обращение Нинсун к Шамашу с просьбой хранить Гильгамеша; Нинсун посвящает Энкиду Гильгамешу (ритуал второго рождения Энкиду или ритуал посвящения Энкиду в рабство Гильгамешу); ритуал благословения Утнапишти на вечную жизнь³. Все эти ритуалы – ритуалы перехода, предваряющие или разовое событие, или переход в длительную фазу существования⁴.

Темы, которые затрагивает «Эпос о Гильгамеше», напоминают темы, которые рассматриваются в библейской Книге Екклесиаста. Для этих двух памятников характерно внимание к проблеме смерти, устремленность к вечной

¹ Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии* / В. В. Емельянов. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003. С. 173.

² Емельянов, В. В. *Ниппурский календарь и ранняя история зодиака*. СПб., 1999. С.119-235.

³ Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С. 174-178.

⁴ Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С. 178-179.

жизни, признание человеческой ограниченности и непо-стижимости божественной воли, призывы к покорности человека перед этой волей, призывы использовать возможности жизни, которая дается человеку свыше. Однако развитие этих тем в рассматриваемых памятниках имеет своеобразие.

«Эпос о Гильгамеше» и Книга Екклезиаста: проблема смерти и устремленность к вечной жизни

Одна из первых публикаций, в которой было обращено внимание на связь между Книгой Екклезиаста и «Эпосом о Гильгамеше», появилась в 1908 году¹. О связи этих памятников упоминалось и в монографии Александра Хейдела «Эпос о Гильгамеше и ветхозаветные параллели», которая была впервые издана в 1946 году². Параллелям между данными текстами были посвящены статьи Жана де Савиньяка³, Джоана Пака (Pakh Johan)⁴, Брюса Джонса⁵.

В начале 2000-х годов по данной теме несколько статей написал Karel van der Toorn⁶. В работе, опубликован-

¹ Grimme, H. *Babel und Koheleth-Jo-jakin* / H. Grimme // *Orientalische Literaturzeitung*. № 8. 1908. S. 432-438.

² Heidel, A. *The Gilgamesh Epic and Old Testament Parallels* / A. Heidel. Chicago: The University of Chicago Press, 1949.

³ de Saignac, Jean. *La sagesse du Qohéléth et l'épopée de Gilgamesh* Jean de Saignac / Jean de Saignac // *VT (Vetus Testamentum)*. № 28. 1978. P. 318-323.

⁴ Pakh, Johan Y. *Il canto della gioia in Dio. L'itinerario sapienziale espresso in Qohelet 8:16 – 9:10 e il parallelo di Gilgames Me III* / Johan Y. Pakh. Napoli, 1996.

⁵ Jones, Bruce W. *From Gilgamesh to Qoheleth* / Bruce W. Jones // *Scripture in Context III: The Bible in the Light of Cuneiform Literature* / ed. William W. Hallo et al. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Press, 1990. P. 349-379.

⁶ van der Toorn, Karel. *Did Ecclesiastes Copy Gilgamesh?* / Karel van der Toorn // *Bible Review*. 2000. № 6(1). P. 22-30.

van der Toorn, Karel. *Echoes of Gilgamesh in the Book of Qohelet? A reassessment of the intellectual courses of Qohelet* / Karel van der Toorn // *Veenhof Anniversary Volume: Studies Presented to Klaas R.*

ной в 2000 году, он отмечает, что между «Эпосом о Гильгамеше» и Книгой Екклезиаста имеется немало параллелей, но говорить о прямой литературной взаимосвязи едва ли возможно. Подобные параллели можно обнаружить также в египетской и греческой литературе. Автор полагает, что мотивы о жизни настоящим днем (*carpe diem* (Еккл. 9:7-9)) и скрученной втрое веревки (Еккл. 4:12) могли проникнуть в Израиль из Месопотамии через Египет. Впрочем, еще в 1960-х годах Р. Гордис предостерегал от поспешных выводов в связи с обнаружением ряда параллелей между «Эпосом» и библейской книгой, поскольку подобные же параллели встречаются и в египетской литературе¹.

Наше рассмотрение параллелей между аккадским «Эпосом о Гильгамеше» и Книгой Екклезиаста мы начнем с проблемы, которая волновала авторов обоих произведений, и которую можно считать центральной. Речь идет о проблеме смерти².

По мнению Т. Якобсена³, в Древней Месопотамии вселенная рассматривалась как государство, поэтому первой добродетелью считалось послушание. Древние произведения призывали к послушанию старшим членам семьи, представителям власти и личному богу (остальные божества воспринимались значительно дистанцированными). Послушание обеспечивало защиту человека, его жизненное

Veenhof on the Occasion of his Sixty-Fifth Birthda. Editor W. H. van Soldt. Leiden, 2001. P. 503-514.

¹ Gordis, R. *Koheleth: The Man and His World* / R. Gordis. 3rd ed. New York: Schocken, 1968. P. 304.

Проблема литературных заимствований рассматривается в статье: Tigay, H. *On Evaluating Claims of Literary Borrowing* / H. Tigay // *The Tablet and the Scroll. Near Eastern Studies in Honor of William W. Hallo*. M. E. Cohen et al. (eds.). CDL Press, Bethesda, Md., 1993. P. 250-256.

² О смерти в Книге Екклезиаста см. статью: Lo, Alison. *Death in Qohelet* / Alison Lo // *Journal of the Ancient Near Eastern Society*. № 31. New York, 2009. P. 85-98.

³ Франкфорт, Г.; Франкфорт, Г. А.; Уилсон, Дж.; Якобсен, Т. *В преддверии философии. Духовные искания древнего человека*. С. 258-265

преуспевание, успех в делах. Личный бог мог выступать в качестве ходатая за данного человека перед другими богами.

В человеческой жизни, согласно древним месопотамским представлениям, было много произвола. Многие зависели от милости богов. Добродетельная жизнь еще не гарантировала справедливого вознаграждения. Как отмечает Т. Якобсен¹, проблема справедливости получила свое особое развитие во II тысячелетии. Правосудие стало восприниматься не как дар милости божеств, а как право. Добродетельный человек должен заслуживать правосудие. Эта новая концепция поднимала две проблемы – проблему смерти и проблему страдания праведника. Проблема смерти рассматривается в «Эпосе о Гильгамеше», а проблема невинных страданий праведников – в целом ряде других месопотамских произведений. Характерно, что две эти проблемы очень остро встают и в библейской Книге Екклесиаста.

Аккадский «Эпос о Гильгамеше» складывался во II тысячелетии на основе древних сказаний, которые группировались вокруг новой центральной темы, темы смерти. В самом Эпосе острые переживания на тему смерти возникают у Гильгамеша только после смерти его друга Энкиду. До этого момента смерть воспринималась им нечто неизбежное. В таблице 2 читаем обращение Гильгамеша к Энкиду: «Кто, мой друг, вознесся на небо? Только боги с солнцем пребудут вечно, а человек – сочтены его годы, что б он ни делал – все ветер! Ты и сейчас боишься смерти, где ж она, сила твоей отваги?»². Смерть неизбежна, поэтому Гильгамеш был движим стремлением оставить после себя

¹ Франкфорт, Г.; Франкфорт, Г. А.; Уилсон, Дж.; Якобсен, Т. *В преддверии философии. Духовные искания древнего человека*. С. 266.

² «О все выдавшем». *Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо*. С. 151. В дальнейшем в поиске бессмертия Гильгамеш отправится по дороге солнца.

память, славу прежде, чем его постигнет смерть. «Вечное имя себе создам я», – неоднократно повторяет Гильгамеш¹.

Смерть друга перевернула сознание Гильгамеша. Он испугался перспективы неизбежной гибели, которая угрожала именно ему: «Друг, что в бою спасал, – почему меня покинул? Я и ты – не равно ли мы смертны?» (Таблица 7)². «Гильгамеш об Энкиду, своем друге, горько плачет и бежит в пустыню: «И я не так ли умру, как Энкиду? Тоска в утробу мою проникла, смерти страшусь и бегу в пустыню»» (Таблица 9)³.

И трижды Гильгамеш произносит такие слова: «Его постигла судьба человека! Шесть дней миновало, семь ночей миновало, пока в его нос не проникли черви. Устрашился я смерти, не найти мне жизни: мысль о герое не дает покоя! Дальней дорогой бегу в пустыне... Как же смолчу я, как успокоюсь? Друг мой любимый стал землею!.. Так же, как он, и я не лягу ль, чтоб не встать во веки веков?» (таблица 9 и 10 (дважды))⁴. Таблица 8 содержит очень эмоциональный Плач Гильгамеша над Энкиду, который может напомнить библейский плач Давида над погибшими Саулом и Ионафаном⁵.

Но, кажется, и после этого он едва ли задумывался над ценностью жизни других. Гильгамеша беспокоила только его собственная жизнь и смерть. Убежав в пустыню в страхе от смерти, Гильгамеш с ожесточением уничтожает львов, которые резвились и радовались жизни. «Боевой топор он поднял рукою, выхватил из-за пояса меч свой – словно копьё, упал между ними, ударял, повергал, убивал и

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С.150-151-152. Ср.: с. 161

² «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 177.

³ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 181

⁴ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 183, 191, 194.

⁵ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 177-179.

рубил он» (таблица 9)¹. Создается впечатление, что его, скорбящего о смерти друга и испуганного смертью, просто раздражают проявления радости жизни.

Если в «Эпосе» поднимается проблема смерти как частная проблема личной смерти Гильгамеша, то в Книге Екклезиаста эта проблема возникает в связи с рядом отдельных тем, в связи с общей проблемой смысла человеческого труда и общей проблемой воздаяния. Это видно уже из первых стихов книги, когда после провозглашения мимолетности, бессмысленности, никчемности всего автор спрашивает: «Что приобретает всякий человек всем своим трудом, которым он трудится под солнцем (שֵׁנַמְל תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ) בְּכָל-עֲמָלוֹ (מִהֲיִתְרוֹן לְאָדָם)?» (Еккл. 1:3). И сразу же после этого вопроса он упоминает о приходящих и уходящих человеческих поколениях: «Род приходит, и род уходит (הַלֵּךְ וְרוֹד בָּא) (רוֹד), земля же стоит вечно (וְהָאָרֶץ לְעוֹלָם עֹמְדָה)» (Еккл. 1:4)². Иными словами, смерть попадает в поле зрения автора по поводу рассуждений о человеческой деятельности, в том числе и нравственной деятельности, добродетели.

В начале первой главы в центре внимания библейского автора находится не природа сама по себе, а именно чело-

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 181

² Обычно этот стих трактуется в том смысле, что он изображает мимолетность жизни человека в противоположность природному постоянству. В противоположность этому, G. S. Ogden, истолковывая רוֹד как циклическое движение, видит в стихе только указание на всеобщее космическое круговращение, видят противопоставление циклического природного движения постоянству земли (Ogden, G. S. *The Interpretation of רוֹד in Ecclesiastes 1:4* / G. S. Ogden // *JSOT (Journal for the Study of the Old Testament)*. № 34. 1986. P. 91–92). Эта точка зрения была подвергнута критике со стороны М. Фокса (Fox, M. V. *Qohelet 1:4* / M. V. Fox // *JSOT (Journal for the Study of the Old Testament)*. № 40. 1988. P. 109). Однако сам М. Фокс истолковал הָאָרֶץ не как землю, а как человечество. А стих 1:4 он понимает так, что человеческие поколения проходят, но сама человечество не меняется (Fox, M. V. *Qohelet 1:4*. P. 109; Fox, M. V. *A Time to Tear Down and a Time to Build Up: A Rereading of Ecclesiastes* / M. V. Fox. Grand Rapids, 1999. P. 166.

век¹, его мимолетность и ничтожность, проявляющиеся в его смертности. Исследователи обращают внимание на слова הַלֵּךְ и אָז, которые употреблены в Еккл. 1:4 вместе по словом «род». הַלֵּךְ в самой книге часто включено в высказывания о смерти (Еккл. 3:20; 5:14–15; 6:6, 9; 7:2; 9:10; 12:5, а אָז – в высказывания о рождении (Еккл. 5:14–15; 6:4)². Глагол הַלֵּךְ связан с умиранием и в других библейских текстах.

Во второй главе Книги Екклезиаста автор-царь рассказывает о своих выдающихся достижениях, о своих значительных делах, в которых проявилась его мудрость, и в которых он, царь, достиг большого успеха. Воодушевленный масштабом своих действий, автор отмечает: «Что может сделать человек, который придет после царя, того, что не было сделано им (שִׁבּוּא אַחֲרָי הַמֶּלֶךְ אֵת אֲשֶׁר-כָּבַד עֲשׂוּהוּ) (בְּהָ הָאָדָם)?» (Еккл. 2:12). Благодаря мудрости Екклезиасту удалось совершить все возможное для человека. Но как только автор посмотрел на свои дела в широкой перспективе, как только он коснулся своим взглядом неминуемой смерти, он пришел к выводу о суетности, пустоте, бессмысленности всех его дел. И мудрого (т. е. человека, преуспевшего в делах), и глупого (т. е. человека, который не смог добиться в жизни успеха) ожидает одна и та же участь (Еккл. 2:15-16).

Нужно отметить, что тема неудовлетворенности человека от его дел пред лицом смерти присутствует и в «Эпосе о Гильгамеше», хотя она и не заметна на первый взгляд. В «Эпосе» также рассказывается о небывалых деяниях царя Урука, о его невероятных постройках, при этом также отмечается: «Даже будущий царь не построит такого» (таблица 1)³. И также как и в Книге Екклезиаста, все великие

¹ «Основной интерес автора сосредоточен на человеческой жизни, а не на природе», – пишет в этой связи Элисон Ло (Lo, Alison. *Death in Qohelet*. P. 87).

² Lo, Alison. *Death in Qohelet*. P. 87.

³ «О все видавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 137

постройки, все подвиги не удовлетворили сердца царя Гильгамеша, который осознал свою смертность.

А дальше в Книге Екклезиаста мысль о бессмысленности деятельности человека звучит более обобщенно. Эта мысль переносится на всех людей, на каждого человека: каким человек приходит в мир, таким он и уходит из него, а результаты его труда достаются другому. Поэтому имеет ли смысл весь этот тяжелый труд? (Еккл. 5:12-16; 6:2).

В перспективе смерти жизнь, деятельность, плоды жизни и деятельности человека представляются мимолетными, зыбкими. Говоря о них, Екклезиаст употребляет термин **הֶבֶל**, «дыхание, дуновение». В этой связи особый интерес представляет уже упоминавшийся выше отрывок из таблицы 2, в котором Гильгамеш говорит: «Кто, мой друг, вознесся на небо? Только боги с солнцем пребудут вечно, а человек – сочтены его годы, что б он ни делал – все ветер!»¹. Эти слова, как отмечают исследователи, переключаются со словами Екклезиаста: «Как он вышел из утробы матери своей голым (**כַּאֲשֶׁר יָצָא מִבֶּטֶן אִמּוֹ עָרוֹם**), так и возвратится, идя таким, каким пришел (**וַיָּשׁוּב לְלֶכֶת כְּשָׁבָא**). И ничего не поднимет в своем труде, что желал бы унести в своей руке (**וּמֵאוּמָה לֹא יִשָּׂא בְעִמְלּוֹ שִׁילָךְ בְּיָדוֹ**). И это также мучительное зло (**וְגַם־זֶה רָעָה חוֹלָה**). Каким он пришел, таким и уйдет (**כְּל־עָמַת שָׁבָא כֵּן יֵלֶךְ**). И что приобретает он, работая на ветер (**וּמֵה־יִתְרוֹן לוֹ שִׁיעָמַל לְרוּחַ**)?» (Еккл. 5:14-15). Эта параллель, также как и подобная параллель из шумерского произведения «Песнь древних властителей», может иметь значение для интерпретации и перевода еврейского термина **הֶבֶל**. Конечно, в Еккл. 5:15 используется еврейский термин **רוּחַ**, но в целом ряде других мест книги человеческая деятельность характеризуется как **הֶבֶל**. Это говорит о том, что для Екклезиаста эти термины (**רוּחַ** и **הֶבֶל**) имели несомненную близость. И если при этом еще учитывать и месопотамские памятники, в которых идея мимолетности выража-

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 151. В дальнейшем в поиске бессмертия Гильгамеш отправится по дороге солнца.

ется термином *ветер*, то еврейское слово הֶבֶל предпочтительно переводить словами, отражающими идею мимолетности, связанными с ветром и дуновением¹.

Тема смерти встает в библейской книге и тогда, когда автор смотрит на притеснения и обиды, происходящие на земле. Об этом говорится, например, в 4 главе, где автор в сердцах восклицает, что мертвым или не родившимся спокойней, чем живым, которые видят все это (Еккл. 4:2-3). В Еккл. 7:15; 8:14 смерть также вспоминается в связи в царящей в мире несправедливостью.

Слова, непосредственно обозначающие смерть или умирание (производные от корня מוּת), встречаются в Книге Екклезиаста 14 раз.

В пяти случаях эти слова используются в выражениях, содержащих протест против происходящей в мире несправедливости, в том числе превозносящих смерть над жизнью:

«Увы! Умрет и мудрый, и глупый (יְמוֹת הַחֲכָם עִם־הַכְּסִיל)» (Еккл. 2:16);

«И я превознес умерших, которые уже умерли (שָׁכַב מָחוּ), над живыми, которые еще живут (עֲרֵנָה)» (Еккл. 4:2) (дважды);

«Это – зло во всем, что делается под солнцем (רַחַח הַשֶּׁמֶשׁ) (זֶה רָע בְּכָל אֲשֶׁר־נַעֲשֶׂה אַחַד לְכָל), потому что одна участь всем им (כִּי־מִקְרָה בְּיַד־הָאֱדָם מִלְּאֲרָע וְהוֹלֵלוֹת בְּלִבָּבָם בְּחַיֵּיהֶם), и сердце сынов человеческих полно зла, и безумие в их сердце, в их жизни (וְנָם לֵב)» (Еккл. 9:3);

¹ Например, такая точка зрения выражена в статье: Scow, C. L. *Beyond Mortal Grasp: The Usage of hebel in Ecclesiastes* / C. L. Scow // *Australian Biblical Review*. № 48. 2000. P. 1-16. Опираясь на параллели между Книгой Екклезиаста и «Эпоса о Гильгамеше», автор полагает, что термин הֶבֶל не следует передавать словом «vanity» («тщетность»), поскольку этот термин подразумевает в первую очередь мимолетность.

«Доброе имя лучше, чем благовоние, и день смерти – чем день своего рождения (יָשָׁם מִשְׁמֵן טוֹב יוּזֵם הַמָּוֶת מִיּוֹם הַהוֹלָדוֹ) (Еккл. 7:1).

Два раза – в выражении, подвергающем сомнению преимущество человека над животными, где подчеркивается неизвестность того, что ожидает человека после смерти, неизвестность пути его духа (вверх или вниз, в землю):

Потому что участь сынов человеческих и участь животных – общая их участь (בְּנֵי-הָאָדָם וּמִקְרָה הַבְּהֵמָה וּמִקְרָה לָהֶם) (פי מקרה), смерть как одним, так и другим, и у всех один дух (כְּמוֹת זֶה בֶּן מוֹת זֶה וְרוּחַ אֶחָד לְכָל) (אין פי הכל הכל), и нет преимущества у человека перед животным, потому что все – пустое (אֵין כִּי הַכֹּל הַבָּל) (אֶל-מִקּוֹם אֶחָד) (וּמוֹתֵר הָאָדָם מִן-הַבְּהֵמָה). Все они идут в одно место (הַכֹּל הוֹלֵךְ לְהַכֹּל הוֹלֵךְ) (הַכֹּל הָיָה מִן-הָעָפָר וְהַכֹּל שָׁב אֶל-הָעָפָר) (Еккл. 3:19) (дважды)¹.

Два раза – в выражениях, подчеркивающих ограниченность человека, а также определенность его участи – родиться и умирать:

«Не властен человек над ветром, чтобы удержать ветер (אֵין אָדָם שְׁלִישׁ בְּרוּחַ לְכַלּוֹא אֶת-הַרְרוּחַ) (ואין שלטון ביום המות)» (Еккл. 8:8);

«Миг – для рождения и миг – для смерти (לְלֶדֶת וְעַת לָמוּת) (עַת)» (Еккл. 3:2).

Три раза – в выражениях, подчеркивающих преимущество жизни над смертью или ценность жизни:

«Тот, кто среди всех живых, имеет надежду (יֵשׁ בְּטָחוֹן) (כִּי-יָמִי אֲשֶׁר יִבְחַר (יִחְבֵּר) אֶל פְּלִי-חַיִּים) (ואין עוד חי הוא טוב מן-האנדה המתה)» (Еккл. 9:4);

«Ведь живые знают, что они умрут, а умершие не знают ничего (כִּי הַחַיִּים יוֹדְעִים שְׂיָמָתוֹ וְהַמֵּתִים אֵינָם יוֹדְעִים מָאוּמָה) (ואין עוד להם שִׁכָר כִּי נִשְׁכַּח זְכָרָם)» (Еккл. 9:5);

¹ В этом отрывке слово מוֹת, «смерть» созвучно слову מוֹתֵר, «преимущества, выгода».

«Не будь чрезмерно нечестивым, и не будь глупым (אַל־תִּרְשַׁע הַרְבֵּה וְאַל־תְּהִי סָפֵל). Зачем тебе умирать не в свое время (לְמַתָּה תָמוּת בְּלֹא עֵתָךְ)?» (Еккл. 7:17).

В двух случаях слово «смерть» связана с неприятными ассоциациями:

«И я нашел – я сам, что горестней смерти та женщина (וּמוֹצֵא אֲנִי מִרַ מִמּוֹת אֶת־הָאִשָּׁה), которая – как сети, и сердце ее – как неводы, руки ее – как оковы (מְצוּרִים וְחַרְמִים לִבָּהּ אֲסוּרִים יָדֶיהָ)» (Еккл. 7:26).

«Мертвые мухи делают зловонным, испорченным благоухание парфюмера (זְבוּבֵי מוֹת יַבֵּאִישׁ גִּבְעֵה שֶׁמֶן רוֹקֵחַ)» (Еккл. 10:1).

В ряде мест книги о смерти говорится косвенно, без употребления специфической лексики. В Еккл. 5:14-15; 6:2-6 высказываются сожаления по поводу существования такой несправедливости, что у человека смерть отнимает результат трудов. В Еккл. 7:15 автор беспокоится от того, что праведник гибнет в своей праведности, а грешник долгоденствует. В Еккл. 8:13-14 утверждается, что злодей недолговечен, но тут же с сожалением отмечается такая несправедливость, что зачастую праведников постигает участь злодеев, а злодеев – участь праведников. Наконец, в 12 главе очень образно описывается старость и смерть как печальное состояние и событие.

Анализ употребления слов, обозначающих смерть или умирание, а также высказываний, косвенно упоминающих смерть, показывает, что автора волнует даже не проблема смерти сама по себе, а проблема воздаяния, несправедливости, ограниченности человека, неизвестного посмертного пути и состояния. Смерть не вызывает приятных мыслей и ассоциаций, но созерцание несправедливости в мире, приводит к тому, что Екклезиаст даже провозглашает преимущество смерти над жизнью. В контексте египетской религиозной культуры это провозглашение правомерно, но в контексте ветхозаветных представлений, оно говорит об отчаянии. Но это отчаяние, этот протест касается не столько смерти, сколько несправедливости в жизни.

Взгляд автора Книги Екклезиаста на смерть шире, чем взгляд автора аккадского произведения. Если Гильгамеш эгоистичен, думает только о себе (переживания о смерти Энкиду не менее эгоистичны, чем его беспокойство о самом себе), то автор Книги Екклесиаста обеспокоен не просто личной смертью, а смертью как таковой, как общей участью всех людей.

Человек в Книге Екклесиаста – это человек вообще, всякий человек, каждый человек. Для его обозначения используется слово קָדָם , которое пишется с определенным артиклем, выполняющим обобщающую функцию. Артикль в таком употреблении может переводиться словами «каждый», «всякий», «любой».

Есть отличие между рассматриваемыми произведениями и в степени устремленности их авторов к вечной жизни. Устремленность к вечности, поиск бессмертия в «Эпосе» является практически центральной сюжетной линией. Гильгамеш сначала думает обрести бессмертие в своем имени, в славе, потом – подлинное физическое бессмертие. Автор Книги Екклесиаста напрямую не выдвигает требования о бессмертии, он не требует бессмертия, не бунтует по поводу смерти человека. Смерть у него вызывает сожаление и, порой, то, что можно назвать разочарованием. В вопросе смерти Книга Екклесиаста менее дерзновенна, чем «Эпос». Дерзновение проявляется в библейской книге при затрагивании других проблем – проблем воздаяния и смысла деятельности. Рассуждения же, в которых затрагивается смерть, могут рождать в ее читателе не столько бунт против смерти, сколько жажду справедливости и вечной жизни.

**Смерть и жизнь как определение свыше,
человеческая ограниченность, непостижимость
божественной воли и покорность человека перед этой
волей**

Мир «Эпоса» – это мир, в котором явно ощущается присутствие богов. Они наблюдают за происходящим в мире, вмешиваются в ход событий, дают определенную

оценку происходящего, они определяют ряд мировых законов, например, устанавливают предел человеческой жизни. Решения богов, касающиеся мира людей, порой имеют вполне ясную для человека мотивацию (например, решение прервать жизнь Энкиду представляется как наказание за убийство Хумбабы), но порой кажутся совершенно немотивированными (например, решение не наказывать Гильгамеша за убийство Хумбабы или решение сотворить потоп). Человеку не дано право судить о решении богов. В повествовании «Эпоса» подспудно таится вопрос о справедливости – почему боги посылают преждевременную смерть одному, но продлевают дни другому, почему они вообще определили всем людям неизбежную смерть.

Так, в таблице 7 смерть выступает как наказание, которое не лишено божественного произвола: «Слег Энкиду перед Гильгамешем, по лицу Гильгамеша побежали слезы: «Брат, милый брат! Зачем вместо брата меня оправдали?» И еще: «Неужели сидеть мне с призраком, у могильного входа? Никогда не увидеть своими очами любимого брата?»»¹.

В конце концов, «Эпос» учит читателя покорности. Человек – существо ограниченное. Человек должен проявлять послушание. Он должен смиренно принимать как дарованную ему жизнь, так и дарованную ему смерть, как посылаемое богами благоденствие, так и посылаемое ими же страдание. Этому же учат и месопотамские сказания о невинных страдальцах. Удел человека – смирение.

Об ограниченности человека говорил сам Гильгамеш, когда он собирался с Энкиду на бой с Хумбабой для того, чтобы прославить свое имя, создать себе вечное имя: «Кто, мой друг, вознесся на небо? Только боги с Солнцем пребудут вечно, а человек – сочтены его годы, чтоб он ни делал – все ветер» (таблица 2)².

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 170.

² «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 151.

О необходимости покорности человека перед волей богов в «Эпосе» говорится неоднократно. Когда Гильгамеш, обеспокоенный решением богов прервать жизнь Энкиду, обратился к своему личному богу Шамашу, бог солнца так ответил своему человеку: «Не трать, о царь, на кумиры золота – слово, что сказано, бог не изменит, жребий, что брошен, не вернет, не отменит, – судьба людская проходит, – ничто не останется в мире» (таблица 7)¹.

Неумолим был Шамаш и тогда, когда Гильгамеш устремился к поиску собственного бессмертия: «Гильгамеш, куда ты стремишься? Жизни, что ищешь, не найдешь ты» (таблица 8)².

О неотвратимости воли богов и необходимости смирения говорил к Гильгамешу и Утнапишти, который получил дар бессмертия не столько по собственным заслугам (хотя он проявил послушание, исполнил повеление строить корабль), сколько по прихоти богов (ведь именно один из богов по непонятной причине решил спасти Утнапишти). На слова Гильгамеша – «Да найду я жизнь, которую ищу я!» – Утнапишти ответил: «Почему, Гильгамеш, ты исполнен тоскою? Потому ль, что плоть богов и людей в твоём теле, потому ль, что отец и мать тебя создали смертным? Ты узнал ли – когда-то для смертного Гильгамеша было ль в собрание богов поставлено кресло? Даны ему, смертному пределы: «Люди – как пахтанье, боги – как масло, человеки и боги – как мякина и пшеница!» (таблица 10)³.

Любые попытки изменить определение богов ни к чему не приводят. Гильгамеш, при всем своем огромном желании найти вечное дыхание, так и не достигает желаемого. Даже совершив невозможное для человека, пройдя дорогой солнца, получив рецепт вечной жизни, он так и не достигает бессмертия. Смерть – неизбежная участь челове-

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 172-173.

² «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 180.

³ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 195.

ка, такая же неизбежная, как и жизнь. Поэтому человек, принимая определенное для него свыше, не должен пренебрегать жизнью.

Об этом сказал Гильгамешу все тот же Утнапишти: «Ярая смерть не щадит человека: разве навеки мы строим дома? Разве навеки ставим печати? Разве навеки делятся братья? Разве навеки ненависть в людях? Разве навеки река несет полые воды? Стрекозой навсегда ль обернется личинка? Взора, что вынес бы взоры Солнца, с давних времен еще не бывало: пленный и мертвый друг с другом схожи – не смерти ли образ они являют? Человек ли владыка? Когда Эллиль благословит их, то собираются Ануннаки, великие боги, Мамет, создавшая судьбы, судьбу с ним вместе судит: они и смерть, и жизнь определили, не поведали смертного часа, а поведали – жить живому!» (таблица 10)¹. Все мимолетно и всему свое время и свой миг, но дело человека – жить. Данный отрывок по своему смыслу вполне может быть соотнесен с гимном мигу из 3 главы Книги Екклезиаста.

Мир же самой Книги Екклезиаста – мир двойственный, противоречивый. Это мир, находящийся между двух полюсов – между пустотой, бессмысленностью, мимолетностью, суетностью, *зэвэл*, и между Богом, который является причиной мироздания, гарантом мировой стабильности, слаженности, судьей человеческих дел. И если в «Эпосе» мы видим несмелый, робкий протест против несправедливости, то в библейской книге этот протест звучит в полный голос. Мир несправедлив, смерть несправедлива, человек – жертва случайности (время и миг всякому делу), он лишь малая, едва различимая песчинка в огромном и холодном мире, который напоминает бездушный механизм.

С другой стороны, это мир, который имеет непосредственную связь с Богом. Бог сотворил мир, Бог сотворил человека. Бог обеспечивает внешнюю мировую гармонию

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 195-196.

и упорядоченность, которая проявляется в неизменных природных циклах. Бог контролирует также жизнь и деятельность человека, Бог – судья человеческих поступков. В целом, в Библии все действия Бога максимально мотивируются. Но те темы, которые поднимаются в Книге Екклезиаста, темы страдания и воздаяния, становятся проблемой, разрешение которой отнюдь не лежит на поверхности. Решению этой проблемы препятствует человеческая ограниченность и непостижимость для человека полноты Божественного замысла. И эти темы являются также точками соприкосновения Книги Екклесиаста и «Эпоса о Гильгамеше».

Книга Екклесиаста, как и «Эпос», учит смирению. Это касается царящей в мире несправедливости (проблем страдания и воздаяния), невозможности человека обрести абсолютную мудрость и постичь замысел и дела Бога. Что касается проблемы смерти, то тут автор Екклесиаста проявляет гораздо больше смирения, чем автор «Эпоса». В библейской книге нет резкого протеста против смерти, Екклесиаст не бунтует, требуя личного бессмертия.

Книга Екклесиаста, подчеркивая ограниченность человека, отмечает, что человеку не дано постичь мудрости во всей ее полноте, призывает человека к смирению. «Эпос о Гильгамеше» также подчеркивает ограниченность человека и призывает человека к смирению. Однако сам «Эпос» начинается словами, которые фактически противоречат его основному содержанию: «О постигшем премудрость, о все пронизавшем: сокровенное видел он, тайное ведал...» (таблица 1)¹. На самом деле, Гильгамеш так и не постиг полноту тайн, он не разгадал тайну бессмертия, единственная мудрость, которую он открыл – это мудрость смирения и покорности человека перед высшими силами. Так что эти слова либо выражают иронию, либо подчеркивают, что истинная мудрость – это мудрость послушания и покорности. Фактически такая же мысль выражается и Екклесиа-

¹ «О все издавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 137

стом: «И я увидел все дела Бога, что не сможет человек постичь дело (אֲתִּכְּלֵמַעֲשֵׂה הָאֱלֹהִים כִּי לֹא יוּכַל הָאָדָם לְמַצּוֹא אֶת־הַמַּעֲשֵׂה) (וְרָאִיתִי (אֲשֶׁר נַעֲשָׂה חַחַת־הַשָּׁמַיִם)»; что бы ни сделал человек, чтобы отыскать, он не постигнет (וְרָאִיתִי (אֲשֶׁר נַעֲשָׂה חַחַת־הַשָּׁמַיִם)»; что бы ни сделал человек, чтобы отыскать, он не постигнет (אֲשֶׁר נַעֲשָׂה חַחַת־הַשָּׁמַיִם)»; и даже если мудрец скажет, что он знает, (он все равно) не может постичь (אֲשֶׁר נַעֲשָׂה חַחַת־הַשָּׁמַיִם)»; (וְגַם אִם־יֹאמֶר הַחֶכֶם לְדַעַת לֹא יוּכַל)» (Еккл. 8:17).

Жизнь и ее радости как удел человека

Проявляя смирение перед волей богов, человек, как это видно в «Эпосе о Гильгамеше», должен спокойно принимать неизбежность смерти, но и активно пользоваться благами жизни. Эти блага открываются человеку через возможность есть, пить, умащаться елеем, одеваться в достойную одежду, наслаждаться женщиной. Именно через реализацию этой возможности Энкиду превращается из дикаря в человека.

Процесс этого превращения начался через общение Энкиду с блудницей Шамхат. После близкого общения, блудница сказала Энкиду: «Ешь хлеб, Энкиду, – то свойственно жизни, сикеру пей – суждено то миру», и далее Энкиду «умастился елеем, уподобился людям. Одеждой оделся, стал похож на мужа» (таблица 2)¹. Впоследствии Шамаш, осуждая Энкиду, проклявшего блудницу, сказал: «Зачем, Энкиду, блудницу Шамхат ты проклял, что кормила тебя хлебом, достойным бога, питьем поила, царя достойным, тебя великой одеждой одела и в товарищи добрые тебе дала Гильгамеша?» (таблица 7)².

Вочеловечение дикаря Энкиду В. В. Емельянов рассматривает как особый ритуал (в рамках «Эпоса» он говорит о нем как о микроритуале). Ритуал начинается с того, что в течение недели Энкиду вступает в связь с блудницей, вследствие чего иссякают его жизненные силы, он стано-

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 146.

² «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 174.

вится в состоянии понимать речь. От него отворачиваются животные, и он оказывается во власти женщины. Далее он ест хлеб и пьет пиво, умащается елеем, одевается в одежду, берет в руки оружие. После этого становится человеком-мужчиной, мужчиной горожанином¹. С едой, питьем, одеванием, благовониями связаны и другие микроритуалы «Эпоса».

Характерно, что все указанные действия, атрибуты жизни человека в такой же степени присущи и богам. Вечно живые боги тоже наслаждаются едой, питьем, благовониями, одеяниями и любовью. И все это они получают от людей.

В таблице 3 описывается как Нинсан, мать Гильгамеша, «умыла тело мыльным корнем, облачилась в одеяния, достойные тела, надела ожерелье, достойное груди, опоясана лентой, увенчана тиарой, чистой водой окропила землю, взошла по ступеням, поднялась на крышу, поднявшись, для Шамаша совершила воскуренье. Положила мучную жертву и перед Шамашем воздела руки»².

В таблице 6 рассказывается о том, как богиня Иштар захотела сделать Гильгамеша своим мужем. Гильгамеш же ответил ей как простой смертной: «Зачем ты хочешь, чтоб я взял тебя в жены? Я дам тебе платьев, елея для тела, я дам тебе мяса в пропитанье и в пищу, накормлю тебя хлебом, достойным богини. Вином напою, достойным царицы»³.

Мысль о том, что жизнь человека заключается в послушании богам и вкушении жизненных благ, наиболее ярко выражена в словах хозяйки богов Сидури. На слова Гильгамеша – «Как же смолчу я, как успокоюсь? Друг мой любимый стал землею! ... Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!» – Сидури ответила: «Гильгамеш! Куда ты стремишься? Жизни, что ищешь, не найдешь ты! Боги, когда

¹ Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С. 174-175.

² «О все выдавшем». *Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо*. С. 155.

³ «О все выдавшем». *Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо*. С. 164.

создавали человека, – смерть они определили человеку, жизнь в своих руках удержали. Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок, днем и ночью да будешь ты весел, праздник справляй ежедневно, днем и ночью играй и пляши ты! Светлыми да будут твои одежды, волосы чисты, водой омойся, гляди, как дитя твою руку держит, своими объятиями радуя подругу – только в этом дело человека!» (таблица 10)¹.

Вероятно, в Книге Екклезиаста приводится пересказ слов из аккадского «Эпоса»: «Иди, ешь с весельем хлеб твой и пей с благим сердцем вино твое (לחמך ושתה בלב טוב ייך), потому что уже благоволил Бог к делам твоим (כי כבר רצה האלהים אתמעשיך). Да будут каждый миг белыми одежды твои, и да не убывает благовоние (елей) на голове твоей (בכל יום יהיו בנרדך לבנים ושמן על ראשך אליהסר). Ощути жизнь с женщиной, которую ты любишь, все дни твоей пустой жизни (ראה חיים עם אשה אשר אהבת כל ימי חיי הבלך), которую (Бог) дал тебе под солнцем (на) все дни твоей пустой жизни (אשר נתן לך תחת השמש כל ימי הבלך)» (Еккл. 9:7-9).

Призыв к радости на фоне осознания мимолетности жизни и смертности человека характерен для целого ряда произведений шумерской и аккадской литературы. Тема смерти и радости от жизни переплетается и в Книге Екклесиаста. Слова о том, что человек должен жить, испытывая радость, звучат в библейском тексте рефреном. Например, Элисон Ло насчитывает семь призывов к радости, которые каждый раз следуют за размышлениями о смерти². Процитированные выше слова Сидури, обращенные к Гильгамешу, также напрямую связаны с темой смерти, поскольку явились ответом на поиск вечной жизни. Призывы Екклесиаста появляются в следующем контексте.

Словам Еккл. 2:24 об удовольствии от еды, питья и о радости от труда («Нет для всякого человека иного блага (אין טוב באדם), чем есть, и пить, и усладить свою душу сво-

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 188-189.

² Lo, Alison. *Death in Qohelet*. P. 88.

им трудом (שִׂיאֲכֵל וְשָׂתָה וְהִרְאָה אֶת־נַפְשׁוֹ טוֹב בְּעֵמְלוֹ). Видел я также – я сам, что это – от руки Бога (זֶה רְאִיתִי אֲנִי כִּי מִיַּד הָאֱלֹהִים הִיא)») предшествуют размышления о смерти, которая постигает мудреца и глупца, о том, что после смерти владельца, его наследство может достаться глупцу (Еккл. 2:14-23).

Словам Еккл. 3:12-13 («Я узнал, что нет им иного блага, чем веселиться и делать благо в своей жизни (טוֹב בְּחַיֵּי)», и также то, что всякий человек будет есть, и пить, и видеть благо (получать удовольствие) во всяком своем труде, потому что это дар Бога (וְגַם כָּל־הָאָדָם שִׂיאֲכֵל וְשָׂתָה וְרָאָה טוֹב בְּכָל־עֲמָלוֹ מִתַּת אֱלֹהִים הִיא)») предшествует гимн мигу и утверждение невозможности постичь дел Божиих (Еккл. 3:1-11). Второй стих в гимне мигу включает упоминание жизни и смерти: «Миг – для рожденья, и миг – для смерти (עַתָּה לְלֵדָה וְעַתָּה לְמוֹת). Миг – для насажденья, и миг – для сбора посаженного (וְעַתָּה לְעִקּוֹר נְטוּעַ) (עַתָּה לְטַעַת)» (Еккл. 3:2). Очевидно, что первая половина стиха и вторая его половина параллельны, говорят об одном и том же – миг для начала и миг для конца. Смерть при этом сравнивается со сбором урожая, жатвой. М. Фокс считает, что пара «жизнь-смерть» является ключом к пониманию всего отрывка¹, показывающими, что важнейшие этапы жизни и деятельности человека на самом деле находятся во власти Бога.

Словам Еккл. 3:22 («И я увидел, что нет иного блага для человека, чем веселиться в делах своих (יִשְׂמַח הָאָדָם בְּמַעֲשָׂיו)», потому что это доля его (כִּי־הוּא חֵלֶקִי); ведь кто приведет его посмотреть на то, что будет после него (כִּי מִי וּבִיאָנוּ לְרֵאוֹת בְּמָה שִׂיהְיֶה אַחֲרָיו)») предшествует упоминание творящегося в мире беззакония и неизвестности последней участи и человека, и животных, приходящих из праха и уходящих в прах (Еккл. 3:16-21). Как после слов о том, что человек возвращается в прах, следуют слова о веселье, так и в «Эпосе» после слов Гильгамеша «Друг мой

¹ Fox, M. V. *A Time to Tear Down and a Time to Build Up: A Re-reading of Ecclesiastes*. P. 201.

любимый стал землею!» Сидури советует Гильгамешу не думать о смерти и наслаждаться жизнью.

Словам Еккл. 5:17-19 («Вот, я увидел – я сам, что лучшее благо для человека – есть, и пить (אֲשֶׁר-יֹפֶה לְאֹכֹל-וּלְשָׁתוֹת) (הִנֵּה אֲשֶׁר-רָאִיתִי אֲנִי טוֹב), и видеть благо во всем своем труде, которым он трудится под солнцем (שֶׁיַעֲמַל תַּחַת-הַשֶּׁמֶשׁ) (וּלְרְאוֹת טוֹבָה) во все дни своей жизни, которые дал ему Бог (מִסֶּפֶר יְמֵי-חַיָּו אֲשֶׁר-נָתַן-לּוֹ הָאֱלֹהִים) (כִּי-הוּא חֶלְקוֹ). И всякому человеку, которому Бог дал богатство и состояние (גַּם כְּלֵי-הָאָדָם אֲשֶׁר נָתַן-לוֹ הָאֱלֹהִים עֶשֶׂר וּנְכֹסִים), Он дал ему и власть есть от него, и брать свою долю, и веселиться в своем труде – все это дар Бога (זֶה מַתָּה אֱלֹהִים הִיא) (וְהַשְּׁלִישׁוֹ לְאֹכַל מִמֶּנּוּ וּלְשָׂאת אֶת-חֶלְקוֹ וּלְשִׂמְחָה בְּעַמְלּוֹ) (כִּי לֹא תִרְבֶּה זִכְרֹךְ אֶת-יְמֵי חַיָּו), занимает Бог весельем его сердце (הָאֱלֹהִים מַעֲנֶה בְשִׂמְחַת לִבּוֹ)»¹) предшествует замечание о том, что человек умирает точно таким же, как и рождается, голым и неимущим (Еккл. 5:14-15).

Словам Еккл. 8:15 («И я сам превознес веселье (הַשְּׂמֵחָה) (וּבְשִׂבְחָתִי אֲנִי אֵץ כִּי אִם-לְאֹכֹל וּלְשָׁתוֹת וּלְשִׂמְחָה) (אֲשֶׁר אֵין-טוֹב לָאָדָם תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ) (וְהוּא יִלְוֶנּוּ בְּעַמְלּוֹ יְמֵי חַיָּו), которые дал ему Бог под солнцем (אֲשֶׁר-נָתַן-לוֹ הָאֱלֹהִים תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ)» предшествует рассуждение о том, что участь человека не зависит от его праведности (Еккл. 8:10-14).

Словам Еккл. 9:7-10, которые очень напоминают слова Сидури из «Эпоса» и выражаются в форме императива, предшествует признание того факта, что смерть постигает всех, не зависит от праведности и уровня религиозности, что мертвые ничего не знают и не имеют надежды (Еккл. 9:3-6).

¹ В Синодальном переводе 19 стих читается так: «Недолго будут у него в памяти дни жизни его; потому Бог и вознаграждает его радостью сердца его». Мы предпочитаем иное прочтение: занимает Бог весельем сердце человека, чтобы человек не был занят удручающими мыслями.

Словам Еккл. 11:9-10, выраженным в форме императива с предостережением о будущем суде («Веселись, юноша, в молодости твоей, и пусть ублажается сердце твое в дни юности твоей (שִׂמְחָה בַּחַיִּים בְּיָמֶיךָ לִבְךָ בְּיָמֶיךָ בְּחַיִּוְתֶךָ), и ходи по путям сердца твоего, и по смотрению глаз твоих (וְהִלַּךְ בְּדַרְכֵי לִבְךָ וּבְמַרְאֵי עֵינֶיךָ), но знай, что за все это приведет тебя Бог на суд (וְדַע כִּי עַל-כִּלְאֵלָהּ וּבִיאָדָה הָאֱלֹהִים בְּמִשְׁפָּט)»). И удаляй печаль¹ от сердца твоего (וְהִסַּר כְּעַס מִלִּבְךָ), и устраняй зло от тела твоего (וְהִעֲבֵר רָעָה מִבְּשָׂרְךָ)², ведь молодость и чернота волос – пустота (כִּי-הַיְלֻדוֹת וְהַשְּׁחָרוֹת הַבָּל»), предшествует напоминание о темных днях, днях тьмы, которые придут (Еккл. 11:7-8). Темные дни могут обозначать и безрадостную старость, и смерть (такое понимание может опираться на Еккл. 8:7).

Можно обратить внимание на то, что в большинстве случаев (исключая Еккл. 9:7-10 и 11:9-10, где мы имеем дело с императивом) в словах, утверждающих ценность радости жизни, употребляется еврейское слово טוב, «благо, добро». Кроме того, в четырех случаях (Еккл. 2:24; 3:12; 3:22; 8:15) это еврейское слово стоит с отрицательной час-

¹ Слово כְּעַס встречается в Книге Екклезиаста неоднократно. В Еккл. 1:18, 2:23; 7:3, где оно переводится нами как «печаль». Такое же значение имеет оно и в данном месте. В Еккл. 7:9 это слово имеет несколько иной смысловой оттенок, оттенок недовольства, досады, гнева. А. Графов в Еккл. 1:18; 2:23; 7:3 переводит его как «горесть», в 7:9 – как «гнев», а в 11:10 – как «огорченье» (*Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Притчи. Книга Екклезиаста. Книга Иова*. Российское Библейское общество, 2008). В целом, это слово имеет широкий спектр значений, обозначает гнев (Втор. 4:25; 9:18); недовольство (Втор. 32:21); раздражение (4 Цар. 23:26); горе, печаль (1 Цар. 1:6). В данном случае это слово обозначает такое эмоциональное состояние, которое мешает человеку наслаждаться жизнью, получать от нее радость.

² Слово רָעָה может трактоваться по-разному. Синодальный перевод передает его как «злое», А. Графов – как «страдания», подразумевая под этим словом не моральное, этическое зло, а все то, что приносит человеку в окружающем его мире неприятности (*Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Притчи. Книга Екклезиаста. Книга Иова*. Российское Библейское общество, 2008).

тицей – אֵין טוֹב. Это выражение в общем контексте можно передать такими словами: «нет иного блага», «нет ничего лучше, чем». Такое провозглашение превосходства радости очень напоминает выражения из шумерских произведений «Почтение Шуруппака» и «Ничто не имеет значения». Что касается слов Сидури из «Эпоса о Гильгамеше», то они напоминают библейскую книгу не только подробностями самого призыва получать в жизни радость, но и утверждением о том, что веселье является участью человека.

Все рассмотренные выше призывы радоваться жизни опираются на предшествующее упоминание смерти. Человек должен радоваться жизни, потому что жизнь недолговечна. С другой стороны, в связи с проблемой смерти Екклезиаст поднимает проблему, которая не обозначена в таком же контексте в «Эпосе о Гильгамеше». Это проблема воздаяния, проблема смысла нравственной деятельности. На земле совершается беззаконие и несправедливость, участь человека не зависит от праведности и мудрости, а смерть приходит ко всем (Еккл. 2:24; 3:22; 8:15; 9:7-8). Какой смысл при этом имеет нравственная деятельность? Екклезиаст не дает прямого ответа на этот вопрос. Он ссылается на непостижимость Бога и ограниченность человека (с этим мы сталкиваемся и в «Эпосе»). Но в большинстве случаев он просто призывает жить и радоваться жизни. Можно обратить внимание на то, что в двух случаях при формулировке этого призыва используется отдельная форма личного местоимения первого лица – אָנֹכִי (Еккл. 5:17-19; 8:15)¹. Учитывая диалогичный характер книги, в которой может содержаться своеобразная беседа критически настроенного автора со своим сердцем, призывы радоваться и

¹ Об особенностях использования в Книге Екклезиаста формы личного местоимения 1 лица единственного числа с глаголом см. статьи: Holmstedt, R. D. *The Syntactic Encoding of the Collaborative Nature of Qohelet's Experiment* / R. D. Holmstedt // *JHS (The Journal of Hebrew Scriptures)*. Volume 9. Article 19. 2009.

Акимов, В. В. *Древнеегипетский «Разговор разочарованного со своим Ба» и библейская Книга Екклезиаста* / В. В. Акимов // *Труды Минской духовной академии*. № 8. Жировичи, 2010. С. 106-127.

наслаждаться жизнью, происходящие от автора (а не от его праведного и мудрого сердца), должны восприниматься критически. Екклезиаст, в конечном счете, не одобряет ни бездумной жизни (иначе бы не появилась его проблемная книга), ни бездумного веселья. В Еккл. 11:9 он предупреждает, что по следам радости придет и Божий суд. В начале седьмой главы мы встречаемся с однозначным осуждением бездумного веселья и легкомысленной праздности, когда Екклезиаст утверждает, что день смерти лучше дня рождения, что лучше ходить туда, где плачут (вероятно, на похороны), а не туда, где смеются, что печаль лучше смеха (Еккл. 7:1-6). И если Екклезиаст одобряет радость, то ту радость, которую посылает Бог угодным себе, радость, которая является благом.

В Книге Екклезиаста смерть и жизнь противопоставляются достаточно резко, чего нет в «Эпосе». В «Эпосе» нет таких острых рассуждений о царящей в мире несправедливости, о бессмысленности какой бы то ни было деятельности, какие мы встречаем в Книге Екклезиаста. Поэтому в нем отсутствует имеющееся в библейской книге воспевание смерти, описание превосходства смерти над жизнью. Но отрывки, говорящие о превосходстве жизни над смертью, имеют общие черты. Кроме указанного сходства между словами Сидури и словами из Еккл. 9:7-10, общие черты заметны еще в двух выражениях: «Пусть же солнечным светом насытятся очи: пуста темнота, как нужно света! Можно ль мертвому видеть сияние солнца?»¹ (слова Гильгамеша к Шамашу из 8 таблицы) и «И сладок свет, и хорошо глазам видеть солнце (לְעֵינַיִם לְרֹאֵת אֶת־הַשֶּׁמֶשׁ)» (Еккл. 11:7). Противопоставляя жизнь и смерть, и аккадский, и библейский автор используют образы глаз, света и тьмы, а также выражение «видеть солнце».

В библейском изречении Еккл. 11:7, которое по своей форме может являться поговоркой, слово «свет» אֵר используется, вероятно, образно, является метонимией, обо-

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 181.

значает жизнь. Свету противостоит тьма, которая соответственно может обозначать смерть. Тьма упоминается уже в следующем стихе, где она вполне может быть связана со смертью, которая красочно описывается и в самом конце книги (Еккл. 12:6-7). Если под светом понимать жизнь человеческую, то прилагательное «сладкий» характеризует эту жизнь: жизнь – сладка (т. е. приятна по сравнению со смертью). Утверждение Екклезиаста о сладости жизни напоминает и известное изречение из «Поучения Шуруппака» (242). В значении жизни слово «свет» используется и в других библейских текстах: «На что дан страдальцам свет, и жизнь огорченным душою» (Иов. 3:20); «... отвести душу его от могилы и просветить его светом живых» (Иов. 33:30); «Ибо ты избавил душу мою от смерти, [очи мои от слез,] да и ноги мои от преткновения, чтобы я ходил пред лицом Божиим во свете живых» (Пс. 55:14). Очевидно, что и в аккадском тексте под светом понимается человеческая жизнь.

Стих Еккл. 11:7 включает два параллельных высказывания, которые говорят об одном и том же, выражают одну общую мысль о том, что жизнь является для человека благом. Слово «глаза», присутствующие во втором высказывании, могут обозначать целого человека (как, впрочем, и в аккадском тексте). Это слово употребляется вместе с идиоматическим выражением לראות את השמש , «видеть солнце», которое можно переводить как «быть живым». Подобного рода идиоматическое выражение встречается в Еккл. 6:5; 7:11; Пс. 57:9. Противоположное ему выражение «померкнет солнце и свет» в Еккл. 12:2 обозначает смерть.

Как уже было отмечено, в месопотамской традиции осознание мимолетности, призрачности всего, осознание смертности становится основанием для призыва к радостной жизни и основанием для активной деятельности. Человеческие дела суетны, пусты, мимолетны, призрачны: «А человек – сочтены его годы, чтоб он ни делал – все ве-

тер!»¹. Кажется, что произнесший их Гильгамеш исполнен смирения перед реальностью, перед перспективой умирания. В контексте «Эпоса» эти слова Гильгамеш обращает к Энкиду, подталкивая своего товарища пойти на сражение с Хумбабой, пытаясь ими перебороть опасения, страх Энкиду: не нужно бояться того, что и так неизбежно придет, нужно жить так, совершать такие великие дела, чтобы обессмертить свое имя. Таким образом, в «Эпосе» мысли о смерти подталкивают человека к активным действиям (в том числе, и к поиску бессмертия, в ходе которого Гильгамеш даже достигает края земли). В Книге Екклезиаста мы также видим, как упоминание о смерти становится основанием для призыва жить полной жизнью. Однако в этой же книге мы сталкиваемся и с другой реакцией на правду смерти человека. Размышления о неминуемой гибели оказывают на библейского автора (особенно в первой части книги) парализующее действие, поскольку смерть обесмысливает всякую человеческую активность. И если еще вспомнить, что мысли о смерти сопровождались у Екклезиаста раздумьями о творящейся в мире несправедливости и бессмысленности нравственной деятельности, то очевидно, что библейский автор более глубоко переживал проблему смерти. В своем поиске смысла жизни и деятельности Екклезиаст несколько раз приходит к промежуточным выводам о том, что жизнь не имеет ценности, что она даже хуже, чем смерть. Он возненавидел жизнь (Еккл. 2:6), превознес мертвых над живыми, заметив, что лучше все тому, кто вообще не родился (Еккл. 4:2-3), заявил, что выкидышу лучше, чем живому человеку (Еккл. 6:3-5), настаивал на том, что день смерти лучше дня рождения, печали и плач – веселья, поминки – пиршества (Еккл. 7:1-4). И в этом контексте призывы Екклезиаста жить в радости могут выглядеть более выстрадавшими и потому могут вызывать больше доверия.

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 151.

Сопутствующие мотивы: превосходство дружества, отношение к женщине, возвращение тела в землю, диалог с сердцем

Кроме размышлений над проблемой смерти, кроме общих призывов наслаждаться жизнью, в Книге Екклезиаста и «Эпосе о Гильгамеше» имеется и ряд других параллелей. Перед сражением с Хумбабой главные герои «Эпоса» подбадривают друг друга. В таблице 4 Гильгамеш обращает к Энкиду слова, которые в таблице 5 повторяет уже Энкиду, обращая их к Гильгамешу: «Один – лишь один, ничего он не может, чужаками мы здесь будем поодиночке: по круче один не взойдет, а двое – взберутся, ... втрое скрученный канат не скоро порвется, два львенка вместе – льва сильнее»¹. Эти слова, имеющие соответствие и в ряде шумерских текстов, очень напоминают выражения из Книги Екклезиаста, в которых подчеркивается преимущество дружества перед одиночеством: «Двоим лучше, чем одному (טוֹבִים הַשְּׁנַיִם מִן־הָאֶחָד), потому что они имеют хорошую награду за труд свой (אֲשֶׁר יִשְׁלַחֵם שֶׁכָּר טוֹב בְּעִמְלָם), ибо если они упадут, один поднимет другого (כִּי אִם־יִפְּלוּ הָאֶחָד יָקִים אֶת־הַחֵבֵר), И горе одному, когда упадет и не будет второго, чтобы его поднять (וְאִילוֹ הָאֶחָד שָׁיְפוּל וְאֵין שְׁנֵי לְהִקְיָמוֹ) – будет им тепло, а одному – как будет тепло (וְלָאֶחָד אֵיךְ יָחַם וְלָחֵם יָחַם לָחֵם לָחֵם)? И если кто-то будет одолевать одного (וְאִם־יִתְקַפוּ הָאֶחָד), то двое устоят в борьбе с ним (יַעֲמְדוּ נְגִיד)» (Еккл.4:9-11)².

В «Эпосе» женщина представляется несколько противоречиво. С одной стороны, связь Энкиду с блудницей ста-

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 160, 161.

² См. публикации (на еврейском языке): Schafer, Aaron. *The Mesopotamian Background of Qohelet 4:9-12* / Aaron Schafer // *Eretz-Israel* 8. E. L. Sukenik volume. Jerusalem: Israel Exploration Society, 1967. P. 246-250;

Schafer, Aaron. *New Information on the Source of 'the Three-fold Cord'* / Aaron Schafer // *Eretz-Israel* 9. W. F. Albright volume. Jerusalem: Israel Exploration Society, 1969. P. 159-160.

новится первым шагом по превращению его в человека, при этом в тексте «Эпоса» подчеркивается, что женщина – источник наслаждения («дай ему наслаждение – дело женщин», «наслаждение дала ему, дело женщин» (таблица 1)¹). В 10 таблице, как отмечалось выше, Сидури призвала Гильгамеша радоваться жизни и своими объятиями радовать подругу.

С другой стороны, в адрес женщины в «Эпосе» раздаются крайне резкие слова. Когда богиня Иштар после победы над Хумбабой захотела стать женой победителя, Гильгамеша, бесстрашный герой ответил: «В жены себе тебя не возьму я! Ты – жаровня, что гаснет в холод, черная дверь, что не держит ветра и бури, дворец, обрушившийся на голову герою, слон, растоптавший свою попону, смола, которой обварен носильщик... Сандалия, жмущая ногу господина!» (таблица 6)². Энкиду и в этом не отстает от своего царственного друга, и в 7 таблице произносит очень обширное проклятье, адресованное блуднице Шамхат (за что его осуждает Шамаш). Характерно, что негативные слова в адрес женщин (богини и блудницы) вызывают неодобрение у богов и приводят к негативным последствиям.

Книга Екклезиаста также дает двойственную оценку женщине. Женщина приносит удовольствие, делает эту жизнь приятной. Рассказывая о своих достижениях, Екклезиаст, отмечает: «Я завел себе певцов и певиц (לִי שָׁרִים וְשֹׁרוֹת) (עֲשִׂיתִי), и удовольствие сынов человеческих (וְתַעֲנוּגֹת בְּנֵי הָאָדָם) – множество женщин (שָׂדֵה וְשֹׁרוֹת)» (Еккл. 2:8)³. О том, что че-

¹ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 142.

² «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 164-165.

³ Перевод слов «שָׂדֵה וְשֹׁרוֹת» является проблемой. Синодальный текст понимает под ними музыкальные орудия. Но для этого нет никаких оснований, кроме того, что в предшествующей части стиха упоминаются певцы и певицы. Скорее всего, это выражение подразумевает жен, наложниц, или гарем. А. Э. Графов передает это слово как «гарем» (*Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Притчи. Книга Екклезиаста. Книга Иова*. Российское Библийское общество,

любовь должна жить и получать от жизни удовольствие, источником которого, среди прочего, является и женщина, говорится в отрывке Еккл. 9:7-9, который можно считать пересказом отрывка из 10 таблицы.

Вместе с тем, женщина одновременно очень опасна и может сделать эту жизнь невыносимой: «И я нашел – я сам, что горестней смерти та женщина (וּמוֹצֵא אֲנִי מֵרַמְמוֹת אֶת־הָאִשָּׁה), которая – как сети, и сердце ее – как невод, руки ее – как окопы (וְאֶשְׁרֵיהָ יִמְצוּדִים וְחַרְמִים לִבָּהּ אֲסוּרִים יָדֶיהָ), благой перед лицом Бога ускользнет от нее (טוֹב לִפְנֵי הָאֱלֹהִים יִמְלֹט מִמֶּנָּה), а согрешающего она поймает (וְהוֹשֵׁא יִלְכָּד בָּהּ)» (Еккл. 7:26)¹. Автор Книги Екклесиаста так и не смог найти достойной женщины: «Что еще искала моя душа, и я не нашел (מָצְאָהּ)? Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины среди всех них не нашел (וְאִשָּׁה בְּכָל־אֶלֶף לֹא מָצְאָהּ אֲחֵד מֵאֶלֶף מִצְאָתִי)» (Еккл. 7:28).

«Эпос» рассказывает и о возникновении, и о смерти Энкиду. Энкиду творится из земли (глины) и по смерти опять становится землей. В начале 1 таблицы описывается возникновение Энкиду, который создается из глины богиней Аруру. «Аруру ... подобье Ану создала в своем сердце, умыла Аруру руки, отщипнула глины, бросила на землю,

2008. С. 71). Еврейское שָׂרָא созвучно с еврейским словом, обозначающим женскую грудь, угаритским и арабским словами, обозначающими госпожу, хозяйку, а также с аккадским словом, обозначающим любовь. Поэтому данное слово может обозначать женщину. Это выражение в целом может напоминать сопряженные сочетания, выражающие превосходную степень («святая святых»), «песнь песней», «суета сует», «Бог богов»), и в этом случае его можно было бы перевести как «превосходнейшая (самая лучшая) женщина». Но между словами в этом выражении стоит союз «и», что не характерно для сопряженного сочетания. Поэтому более правильным представляется перевод «множество женщин» или «гарем».

¹ Об отрывке Еккл. 7:26 см.: Nancy Nam Hoon Tan. *The 'Foreignness' of the Foreign Woman in Proverbs 1-9. A Study of the Origin and Development of a Biblical Motif*. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2008. P. 110-112.

как соучастник авторского эксперимента по поиску блага. Автор библейской книги говорит вместе со своим сердцем, размышляет с ним, обращается к нему. И в «Эпосе», и в Книге Екклезиаста сердце, кроме того, обозначает и самого человека, и его эмоциональную и волевую сферы¹. Функции сердца (не физиологические) в «Эпосе» также пересекаются с функциями утробы и печени². И в аккадском, и в библейском тексте встречается мотив следования своему сердцу в пору юности. Когда Гильгамеш замыслил пойти на Хумбабу, старейшины Урука пытались отговорить его от этого предприятия: «Ты юн, Гильгамеш, и следуешь сердцу, сам ты не ведаешь, что совершаешь»³. В Книге Екклесиаста умудренный жизненным опытом автор обращается к юноше с подобными же словами, напоминая, что следование своему сердцу в годы юности может нанести вред человеку (Еккл. 11:9).

Обращает на себя внимание один из мотивов, по которым герои «Эпоса» решили убить Хумбабу. К древнему мотиву, заимствованному из шумерского сказания о Гильгамеше, в аккадском «Эпосе» добавляется еще один – стремление уничтожить зло в мире: «Все, что есть злого, изгоним из мира» (таблица 2)⁴. Осуществление благородного замысла уничтожить в мире зло привело к печальным последствиям: Энкиду за смерть Хумбабы был лишен жизни, а Гильгамеш лишился покоя. С уничтожением Хумбабы зло, как представляется, так и не было уничтожено, а победителей Хумбабы постигла злая участь. В Книге Екклесиаста также говорится о проблеме зла в мире, даже о фактическом торжестве зла. И ни «Эпос», ни Книга Екклесиаста не пытаются объяснить причину этого зла, а только

¹ См.: «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 142, 148, 149, 151, 152, 155, 174, 187, 190.

² Об утробе см.: «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 181, 187, 190.

³ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 152.

⁴ «О все выдавшем». Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. С. 149.

призывают человека к смирению, призывают кротко принимать жизненные обстоятельства. Только Екклезиаст бунтует против общего зла и несправедливости, частью чего является смерть, а Гильгамеш бунтует, главным образом, только против одного – личной смерти.

Сравнение аккадского «Эпоса о Гильгамеше» и библейской Книги Екклезиаста показывает, что библейский автор был знаком с древним месопотамским «Эпосом». Он развил ряд идей этого памятника, мог перефразировать некоторые его фрагменты. В своих рассуждениях, Екклезиаст затронул важнейшие темы «Эпоса» – тему мимолетности, призрачности жизни и деятельности человека, тему смерти и жизни в радости. Как и автор аккадского «Эпоса», Екклезиаст выражал протест, несогласие со смертью, а также призывал к смирению и радостной жизни. Но библейский автор пошел еще дальше. Он более глубоко, более остро переживает проблему смерти, сопрягая эту проблему с проблемой воздаяния. И даже на фоне его призывов к радости начинает звучать новая тема – тема конечного, последнего, итогового суда, тема, которая была хорошо знакома древним египтянам. Екклезиаст, показывая, что принцип воздаяния не работает в этой жизни, намекает (пускай даже и весьма туманно) на некий грядущий суд. Так тьма безысходности и отчаяния, в которую может погрузиться читатель Книги Екклезиаста, рассеивается тонким лучиком света грядущего евангельского учения.